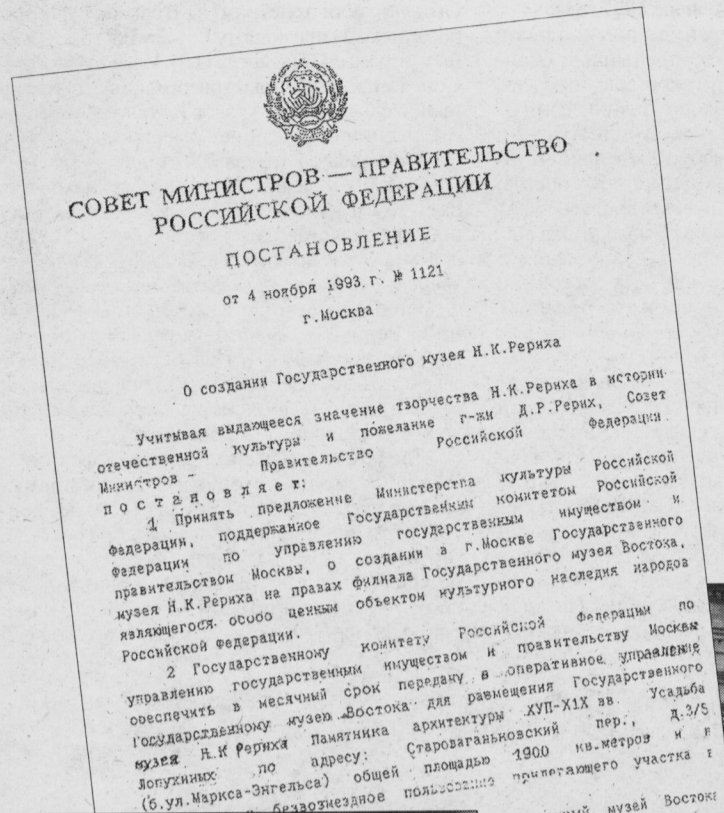
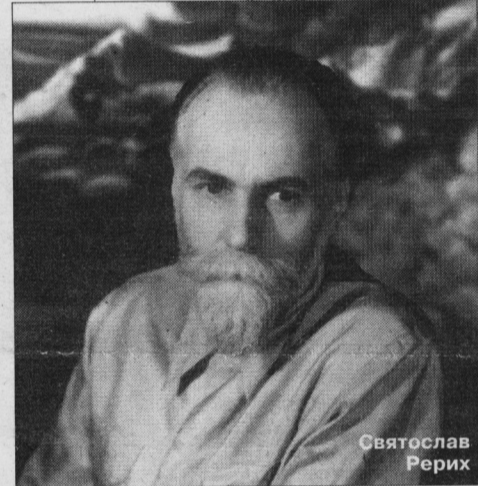

Наследие Рерихов:

Выдумки
и факсы

На основании сомнительного документа, переданного по факсу из Индии сразу после смерти С.Н. Рериха, российские чиновники постановлением 1121 пытались ликвидировать его музей, а коллекцию — экспроприировать

Святослав Рерих

Восстановленная Международным Центром Рерихов усадьба Лопухиных.

По постановлению №1121 (на фото сверху) его пытаются выселить отсюда в пользу несуществующего государственного музея

4 августа 2008 года Арбитражный суд Москвы в первой инстанции отказал Федеральному агентству по управлению федеральным имуществом в иске «о выселении» МЦР — Международного Центра Рерихов — из отреставрированной «усадьбы Лопухиных» на Волхонке в связи с пропуском срока исковой давности. Обстоятельства борьбы за наследие семьи Рерихов в России сложны и запутанны. Но центральное место в ней занимают многолетние попытки воплотить в жизнь постановление Правительства РФ № 1121 от 4.11.93 «О создании «Государственного музея Н.К. Рериха» (по умолчанию предусматривающее и фактическую ликвидацию общественного музея имени Н.К. Рериха МЦР).

Именно это постановление позволяет решить главную проблему Государственного музея Востока и стоящих за ним людей — подменить общественный музей МЦР, сам субъект (для создания которого Святослав Рерих и передал в Россию наследие своих родителей) государственным музеем. В том числе и две с лишним сотни картин (стоимостью в сотни миллионов евро), хранящихся сегодня в самом Музее Востока. «Новая» решила также вернуться к этому делу, выражаясь судебным языком, по «вновь открывшимся обстоятельствам».

Основой этого исследования станут в первую очередь многочисленные правительственные и судебные документы, деловые бумаги и статьи, подписанные Святославом Рерихом. Обстоятельства, сопутствовавшие этим документам, проясняют полученные нами у непосредственных участников давних событий интервью, отражающие их личную позицию. Это Людмила Шапошникова, которая была основным организатором создания Советского фонда Рерихов (в последующем преобразованного в Международный Центр Рерихов). Это также Ростислав Рыбаков — в свое время он был одним из руководителей фонда. В настоящее время он возглавляет Институт востоковедения. Чрезвычайно полезными оказались сведения, сообщенные нам в телефонном интервью заместителем главного комиссара полиции города Бангалор (Индия) Абдулом Рехманом Инфантом, ведущим в Бангалоре

длительное следствие по делу о хищении имущества семьи Рерихов и подделке их документов. Редакция благодарит также за рассказ Александра Кадакина, который сейчас является послом Российской Федерации в Швеции, а до 2004 года работал в Индии сначала в ранге посланника, а затем (с 1999 года) и посла.

Полезно будет начать с краткого обзора ситуации на сегодняшний день.

На исходных позициях

Осенью 1989 года в соответствии с пожеланием Святослава Рериха в Москве был создан общественный Центр-Музей имени Н.К. Рериха как основная база Советского фонда Рерихов. В 1990 году для его создания Рерих передал фонду основную часть наследия своих родителей. Тула вошла большая часть картин его отца и самого Святослава, а также самый полный архив Рерихов и другие раритеты — эта часть наследия сейчас составляет основу музея Международного Центра Рерихов на Волхонке. При этом Святослав требовал присоединить к этой части коллекции принадлежащие ему картины, ввезенные им в СССР ранее и уже находившиеся на временном хранении в Государственном музее Востока.

А затем в 1992 году Святослав Рерих учредил в Индии Международный мемориальный траст Рерихов (ММТР) в долине Кулу в имении родителей. Немного ранее он создал художественную галерею в штате Карнатака — в имении, которое его жена, киноактриса Девика Рани, выходя замуж за Рериха, приобрела в начале 50-х. По мысли Святослава, который считал, что судьбу российской части наследия в 1990 году он более или менее разрешил, ММТР, призванный охранять наследие в Индии, должен был управляться представителями Индии и России. Сегодня представители индийского штата стараются отстранить представителей России от управления ММТР. Главной ценностью в Бангалоре является крупный земельный участок и уникальная роща (плантация) эфирносов, масло которых продается парфюмерными компаниями, в основном во Франции. Что касается Кулу, это своеобразный курорт в пред-

горьях Гималаев, где любят отдыхать от жары, в частности, индийские чиновники.

Святослав Рерих умер в январе 1993 года, Девика Рани Рерих ушла вслед за мужем в марте 1994 года. Прав на часть наследия, перевезенную Рерихом в Россию, она не имела. Но впоследствии индийская полиция и суды обнаружили целый ряд сомнительных документов, распоряжающихся имуществом не только в Индии, но даже и в Москве. Их бывшая знаменитая актриса якобы подписала в последний, критический для ее здоровья год жизни — 1993-й, в возрасте около ста лет (точнее это никому не известно).

Расследование этих трагических для супруги Святослава событий имеет важнейшее значение. Иначе не понять обстоятельств, в которых было рождено постановление Правительства РФ № 1121. Если сегодня посмотреть на судьбу всех частей огромного наследия Рерихов в целом, то первая мысль — их преследует мистический рок: скандалы вполне уголовного характера не затихают ни в России, ни в Индии. Но скорее дело в обычной человеческой алчности, в том числе в коррупции, уровень которой в обеих странах весьма высок.

Общественный или казенный? Создание музея

Как объясняет Рыбаков, вопрос, который потом станет главным аргументом в конфликте вокруг наследия, а именно, должен ли рериховский центр, в том числе и его музей, находиться под опекой государства или иметь общественный статус, в 1989 году, при регистрации Советского фонда Рерихов, им самим еще недопонимался. Однако в известном письме Рериха, которое, по словам Рыбакова, было им привезено в Россию (опубликовано летом 1989 года в «Советской культуре»), Святослав выразил недвусмысленно: фонд и музей должны быть созданы именно на общественных началах. Он особенно подчеркивал, что Центр-Музей «ни в коем случае не должен подчиняться ни Министерству культуры, ни Государственному музею Востока» (это можно понять, учитывая прежний опыт «государственного общения» всей семьи).

Для Людмилы Шапошниковой просьба Рериха возглавить музей была неожиданной, до этого она была индологом, преподавала в Институте стран Азии и Африки, непосредственно Рерихами, как и музейным делом, не занималась. Встреча со Святославом Николаевичем в начале 60-х годов прошлого века, который ввел ее в мир рериховского наследия, изменила ее дальнейшую жизнь. Людмила Васильевна не сразу согласилась на предложение Рериха возглавить будущий музей.

Дав согласие, Шапошникова хорошо понимала, что главной заботой Святослава было именно создание музея: фонд по его замыслу должен был обеспечивать музей всем необходимым для его работы. Людмила Васильевна дополняет картину тех событий важной деталью: параллельно с той концепцией рериховского центра, которая была выдвинута Рерихом, существовала и проталкивалась другая, следящая которой наследие должно было быть достаться Государственному музею Востока.

Идейательно, в распоряжении редакции есть подтверждающее эти слова письмо. Едва минуло три месяца со смерти Святослава Рериха, как генеральный директор Государственного музея Востока В.А. Набатчиков прислал первому вице-премьеру правительства О. И. Лобову очень откровенное письмо № 272-1/3. В нем директор в ранге доктора философских наук даже не пытается юридически аргументировать свою просьбу: «В 1989 году бывшим советским руководством (Горбачевыми. — Ред.) была допущена очевидная ошибка в определении наследия... Рерихов — создание Советского фонда Рерихов... представляется единственно правильным решением сосредоточение всех материалов и произведений Рерихов в одних руках — Государственном музее Востока... Изложенное позволяет просить Вас, Олег Иванович, помочь в передаче наследия Рерихов и усадьбы Лопухиных Государственному музею Востока в бессрочное и безвозмездное пользование, что явится поистине бесценным подарком Правительства России к 75-летию музея, которое отмечается в этом году».

(Начало. Продолжение материала на стр. 16—18)

(Продолжение. Начало материала на стр. 15)

То есть задолго до пика конфликта позиция стороны, желающей забрать себе без объяснения причин все, что Рерих завещал совсем не ей «в бессрочное и безвозмездное пользование», была совершенно четко сформулирована. До сих пор группа лиц, стоящая за Музеем Востока, действует строго в рамках сформулированного Набачиковым плана и ждет «поистине бесценного подарка».

Итак, после регистрации Центра-Музея им. Н.К. Рериха в качестве общественной организации, отвечающей концепции Святослава, он прилетел в Москву в начале ноября 1989 года вместе с Кадакиным. Между тем вопрос с помещением еще не был решен. А он был вторым основным условием передачи Рерихом наследия родителей в Россию. 4 ноября, в тот день, когда Рерихи должны были встретиться с Михаилом и Раисой Горбачевыми в Кремле, Шапошниковой позвонил председатель Мосгорисполкома Сайкин и сообщил, что выслал машину со своим помощником. Она должна была осмотреть ряд зданий и определить возможность их использования для музея. Людмила Васильевна настояла заехать за Рерихом, и все вместе они поехали смотреть варианты.

Рерих остановил свой выбор на усадьбе Лопухиных, хотя в то время она являла собой убогое зрелище. И постановление Совета Министров СССР «О Советском фонде Рерихов и Центре-Музее имени Н.К. Рериха» вышло 4 ноября 1989 года, как раз в день встречи Рерихов и Горбачевых. А решение исполкома Моссовета о предоставлении фонду усадьбы Лопухиных, принятое в развитие постановления, оформлено в рекордный срок — 28 ноября.

После событий августа 1991 года стало очевидно, что СССР больше не существует, Советский фонд Рерихов стал крайне уязвим. Встал вопрос о внесении соответствующих изменений в устав фонда. По предложению Святослава Рериха Советский фонд Рерихов был преобразован в Международный Центр Рерихов. В последующем недоброжелатели общественного музея, предложившие отдать и наследие и усадьбу «в одни руки», провели долгую кампанию с целью не признавать МЦР правопреемником СФР. Сам Святослав Рерих между тем подтверждал, в том числе в своем письме Борису Ельцину, что для него МЦР и бывший Советский фонд Рерихов — это одно и то же.

Это важно, так как сама организация, как бы она ни называлась, была создана для единственной цели — создание общественного музея, который должен обеспечить хранение и научную работу с наследием семьи Рерихов, собственником которого был Святослав. Если собственник наследия и фактический создатель СФРУ нотариуса подтверждает права МЦР на переданное в СФР наследие в полном объеме, то кто, кроме самого Святослава Рериха, вправе изменить его волю? Как известно, ее он так и не изменил.

Пока Святослав был жив, МЦР отбивал все атаки, ссылаясь на того, кто, согласно завещанию, при своей жизни сохранил за собой право забрать обратно хоть любой предмет из коллекции, хоть всю ее целиком. Но когда последний из Рерихов умер в январе 1993 года, конфликт, на одной стороне которого оказались МЦР и возглавившая его Шапошникова, а на другой — объединивший их противников Государственный музей Востока, вступил в свою решающую фазу.

А тем временем в Индии...

Здесь нам придется пренебречь хронологией московского конфликта. Доводы его сторон не могут быть правильно интерпретированы без понимания того, что в течение года, на который Девика Рани пережила своего супруга, происходило в индийском штате Карнатака. Поскольку у Рерихов не было ни детей, ни вообще родственников и прямых наследников, в возрасте около ста лет рядом с Девикой осталась только личный секретарь Святослава Мэри Пунача. Она руководила всеми слугами и контролировала все действия бывшей знаменитой индийской актрисы, только через нее проходили все документы, которые Девика подписывала или, когда уже не могла подписать, ставила под ними отпечаток пальца.

Оценка личности Мэри Пунача — единственный пункт, в котором совпадают рассказы всех наших свидетелей. Все говорят, что она была, с одной стороны, мошенница, с другой — обладала большим влиянием Девикой, которой она вообще «вертела, как хотела». Приведем характерный эпизод, живо рисующий методы,

к которым прибегала находящаяся ныне под следствием аферистка, чтобы добиться нужного ей поступка от Д. Рани.

Шапошникова и Кадакин прилетели в Бангалор в январе 1993 года, чтобы забрать прах Святослава, завещавшего похоронить его в Санкт-Петербурге рядом с могилой деда. Прилетев из Дели и встретившись в городе с Мэри Пунача, Кадакин передал через нее Девике (она теперь редко выходила из гостиницы), чтобы та оделась потеплее: «Хватит нам в самолете и одного труп». Эту не очень удачную для дипломата шутку Мэри передала Девике в следующем виде: «Он сказал, что привезет в Москву твой труп».

В интерпретации последующих писем вдовы (или Мэри, если считать, что их готовила она) президенту России уже сама Шапошникова угрожала Девике над телом своего учителя, во что поверить на самом деле невозможно. В последний момент Девика, под впечатлением от слов Пунача и под ее давлением, изменила волю мужа, самолет, в очередной раз гревший моторы во Внукове, был остановлен, и Россия лишилась могилы последнего из Рерихов.

Еще об одном посещении Девики, вероятнее всего, в июле 1993 года, рассказал Ростислав Рыбаков, которому Девика якобы лично вручи-

ла некое письмо, о котором речь пойдет ниже. Рыбаков подтверждает, что Мэри контролировала все действия Девики. Поскольку иных свидетельств у нас нет, в дальнейшем исследовании на первое место выходит анализ имеющихся документов. Обратимся теперь к избранным выдержкам из индийской прессы (какие-то факты,

впрочем, публиковались и в России в 1994 году со ссылкой на собственных корреспондентов в Индии).

The Times of India, 2 июня 1994 года:
«...В ячейке в банке Indian Bank, принадлежавшей мужу Мэри Пунача — Анилу Пунача, — удалось обнаружить золотые ожерелья, шкатулку с золотыми кольцами, усыпанными изумрудами и рубинами, золотые слитки и депозитную квитанцию о срочных вкладах на сумму 1 млн 650 тысяч рупий... Полиция решила взять под стражу Анилу и друга Мэри Нандакумара... Как утверждают, они повели полицию в дома Чандрашекара, бывшего владельца винной лавки, и Прабхакара, владельца точки общественной телефонии, где полиция конфисковала золото, драгоценности, оружие и документы о банковских вкладах. Среди драгоценностей были золотой пояс и усыпанный бриллиантами амулет, жемчужное кольцо, брошь и подвески из рубинов и жемчужин, которые принадлежали покойной Девике Рани Рерих».

The Indian Express, 19 июня 1997 года:
«Центральное отделение криминальной полиции города Бангалор предъявило обвинение бывшему личному секретарю королевы кинематографа прошлых лет Девике Рани — Мэри Джойс Пунача, ее мужу Анилу Пунача и ее доверителю Нандакумару... 200-страничный документ содержит обвинения в воровстве, подлоге, незаконном присвоении, фальсификации документов... Мэри Пунача управляла счетами Рерихов, которые из-за болезни и преклонного возраста были не в состоянии этого делать сами. В обвинении утверждается, что секретарь вместе со своим мужем, а также вместе с Нандакумаром, управляющим отеля, причинили незаконный ущерб пожилым супругам и путем подделки их подписей извлекли с их счетов в банке сумму свыше 20 миллионов рупий... Мэри и Анил Пунача также подделали подписи Девики Рани и перевели на свое имя два автомобиля, включая Maruti 1000, а также подделали завещание, датированное 1 июня 1993 года. 25 января 1993 года, когда Рерих боролся за жизнь и находился в бессознательном состоянии в больнице Manipal Hospital, оба Пунача скрыли его реальное состояние

здоровья с целью совершить мошенничество в отношении супругов и получить в собственность их 457-акровое поместье Tataguni Estate. Они послали телеграммы от имени Рериха российскому президенту Борису Ельцину, бывшему премьер-министру П. В. Нарасимха Рао и Соне Ганди, чтобы удостовериться в отсутствии правительственных указов и постановлений о вступлении во владение поместьем».

India Today, 1 апреля 2001 года:

«...В настоящий момент в судах находятся на рассмотрении восемь дел. Среди них основным является то, в котором Мэри Пунача оспорила указ правительства 1996 (о взятии под контроль имени Рерихов в Бангалоре. — Авт.) и претендует на то, что она законная наследница Рерихов... Бывший судья Верховного суда штата говорит, что единственный способ завершить эти дела — назначить специального общественного прокурора, который мог бы найти решение без проволочек».

The Telegraph (Индия), 6 октября 2004 года:

«В 2002 году Верховный суд штата разрешил правительству штата в качестве временной меры вступление во владение поместьем, картинами, драгоценностями и предметами материальной культуры супругов Рерих согласно Акту передачи поместья Рериха и Девики Рани Рерих... Тяжба ведется в судах низшей

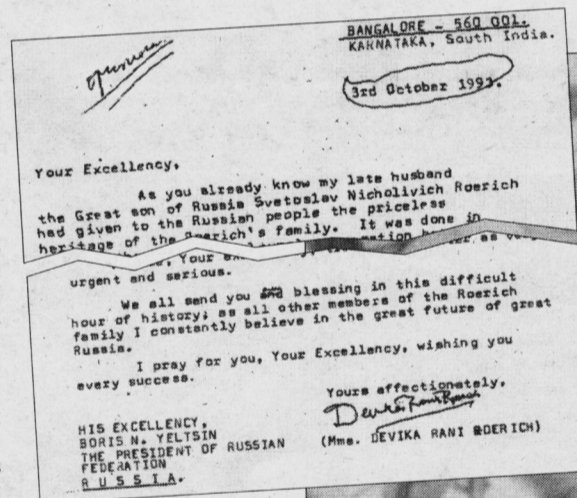
Наследие Рерихов:

Выдумки

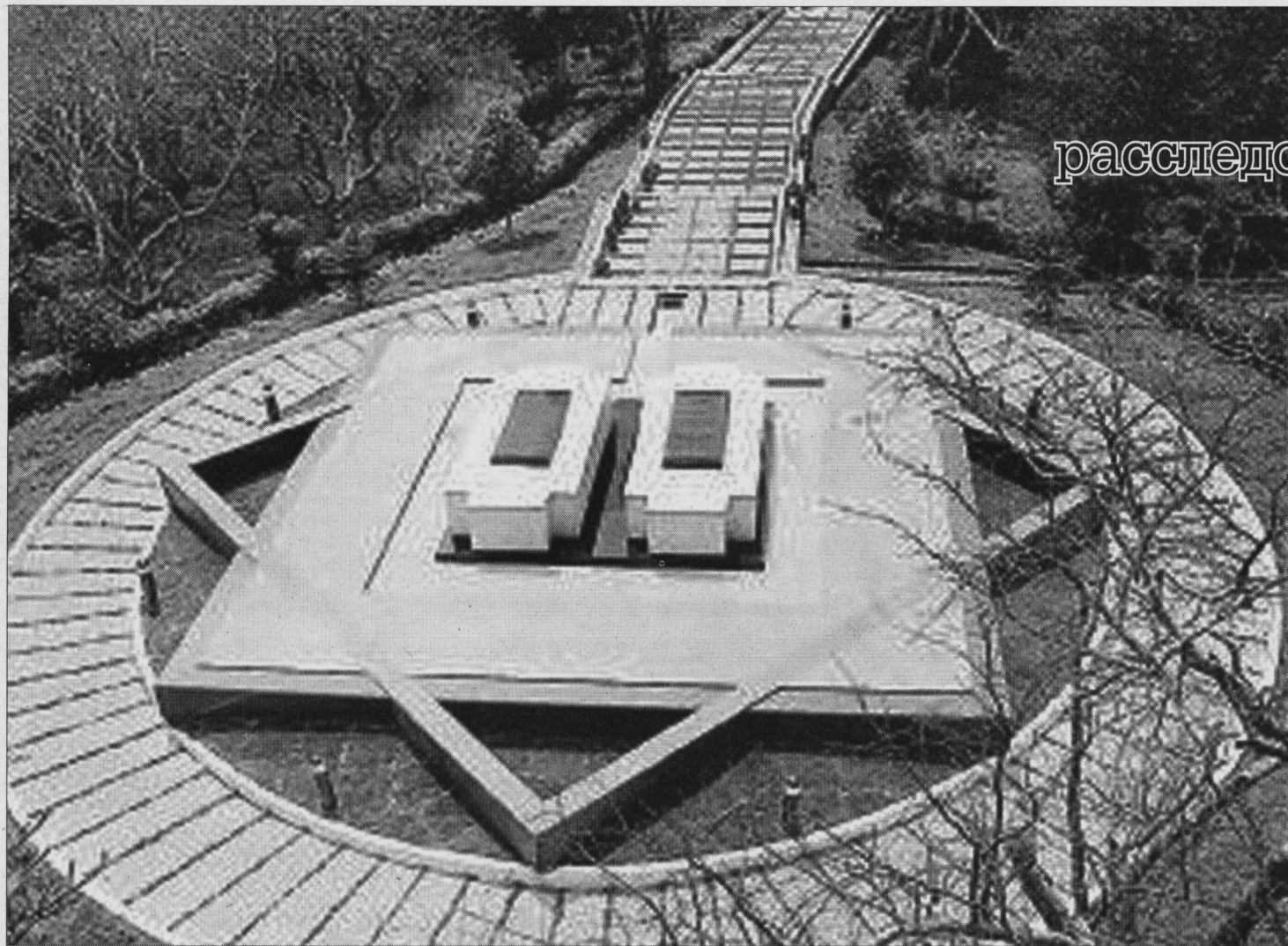
ла некое письмо, о котором речь пойдет ниже. Рыбаков подтверждает, что Мэри контролировала все действия Девики. Поскольку иных свидетельств у нас нет, в дальнейшем исследовании на первое место выходит анализ имеющихся документов. Обратимся теперь к избранным выдержкам из индийской прессы (какие-то факты, впрочем, публиковались и в России в 1994 году со ссылкой на собственных корреспондентов в Индии).

The Times of India, 2 июня 1994 года:
«...В ячейке в банке Indian Bank, принадлежавшей мужу Мэри Пунача — Анилу Пунача, — удалось обнаружить золотые ожерелья, шкатулку с золотыми кольцами, усыпанными изумрудами и рубинами, золотые слитки и депозитную квитанцию о срочных вкладах на сумму 1 млн 650 тысяч рупий... Полиция решила взять под стражу Анилу и друга Мэри Нандакумара... Как утверждают, они повели полицию в дома Чандрашекара, бывшего владельца винной лавки, и Прабхакара, владельца точки общественной телефонии, где полиция конфисковала золото, драгоценности, оружие и документы о банковских вкладах. Среди драгоценностей были золотой пояс и усыпанный бриллиантами амулет, жемчужное кольцо, брошь и подвески из рубинов и жемчужин, которые принадлежали покойной Девике Рани Рерих».

The Indian Express, 7 июня 1994 года:
«...В распоряжении полиции находятся шесть «завещаний», последнее из которых якобы оформлено 4 марта этого года Девикой Рани в пользу Мэри Пунача. «У нас есть основания сомневаться в подлинности этих документов», — сказал комиссар полиции Кодандарамайах. Он говорит, что два завещания, оформленные супругами Рерих в 1990 и 1992 годах, выглядят убедительнее... Второе завещание ясно говорит о том, что вся собственность принадлежать создаваемому трасту, который будет заниматься благотворительностью в области искусства... Мы узнали, что в последние дни ее жизни ее состояние дошло до того, что ее могли заста-

Мэри Пунача, секретарь Рериха, автор фиктивного письма Девики Рани — Ельцину. Сделала все, чтобы Святослав не был похоронен в России. Ограбила его семью, подделала шесть завещаний

Могила Святослава Рериха в Индии

И факсы

инстанции в отношении Мэри, ее мужа Анилы и их друга Б. М. Нандакумара... Они были арестованы в 1994 году, но решением городского суда отпущены под залог. Среди изъятых имущества оригинальная чаша Будды для сбора подаяний (буддийская святыня), несколько золотых ожерелий, золотые монеты, древние статуи богов, золотые браслеты, антикварные золотые ложки, жемчужные ожерелья, серьги из драгоценных камней, шкуры животных, полотна живописи и два револьвера».

Расследование против Мэри Пунача было начато на самом деле еще в феврале 1993 года по заявлению некоего Р. Девдаса. Редакция располагает этим текстом: Девдас утверждает, что Мэри была его невесткой, и это он устроил ее на работу к Рерихам первоначально машинисткой. Далее он пишет, что возмущен поведением Пунача после смерти любимого им доктора Рериха, потому и решил обратиться в полицию с подробным описанием всех ее безобразий.

Как вспоминают знавшие обоих Рыбаков и Кадакин, этот Девдас — довольно темный коммерсант в штате Бангалор. Можно догадаться и о том, на почве чего он поссорился с «внедренной» к Рерихам невесткой: она польстилась на камушки и золотишко, а его целью изначально было имение с уникальной рошей эфирионов, каковое Мэри ему и перепродала (по данным уголовного дела) через подставных лиц еще при жизни Рерихов и злоупотребляя их доверием.

Если бы полиция по заявлению Девдаса действовала быстрее, те загадочные документы, которые были выполнены от имени Девики Рани Рерих и касались в том числе судьбы переданного в Россию наследия и общественного музея, вряд ли могли бы появиться на свет. Вряд ли стоит придавать им бесспорное значение и сегодня. Но интересно другое: обо всем этом, пусть без деталей, еще летом 1993 года было известно всем, кто так или иначе был заинтересован в деле о наследии Рерихов.

Тайна подписи индийской кинозвезды

Вернемся к прерванному рассказу о судьбе московской части наследия Рерихов. Картина тут не так печальна, как в Бангалоре, но, пожалуй, не менее цинична. Вне всякого сомнения, можно говорить о каких-то подлогах, которые были совершены кем-то при переводе конфликта на правительственный уровень. Отдавая себе отчет в серьезности наших обвинений (хотя с точки зрения Уголовного кодекса

сроки давности уже истекли), мы продолжим сравнивать документы и те интервью, которые при иных обстоятельствах могли бы оказаться и показаниями в уголовном деле уже в России.

Через две недели после смерти Святослава Рериха та коллекция, которая была ввезена в СССР в 1978 году и хранилась, вопреки его желанию, в Государственном музее Востока, была директором музея переведена из категории «временного хранения» и «поставлена на постоянный учет», то есть признана как бы своей. Никаких законных оснований для этого не было.

А 4 ноября 1993 года правительство приняло, даже не пригласив к обсуждению этого вопроса МЦР, постановление «О создании «Государственного музея Н.К. Рериха» № 1121. По постановлению, подписанному Черномырдиным, таковой музей создавался на правах филиала Государственного музея Востока, при этом к Музею Востока отходила, не считая находившихся там картин, и коллекция, вывезенная из Индии Шапошниковой в 1990 году и принадлежащая МЦР, и само выданное Святославом под гарантии руководства СССР здание на Волхонке. Таким образом, фактически уничтожался общественный музей, созданный лично Рерихом, а на его месте должен был возникнуть государственный.

Постановление № 1121 прямо начинается со слов: «Учитывая... пожелание г-жи Д.Р. Рерих»... Но Девика не являлась наследницей мужа в части имущества, переданного Советскому фонду Рерихов в 1990 году, а в последующем завещанного Международному Центру Рерихов. И о каком пожелании Девики Рани, прямо противоречившем воле недавно умершего мужа (что необычно для Индии), могла идти речь? Что именно показали Черномырдину, который вряд ли сам был в курсе того, в каком положении в это время находилась Девика Рани Рерих в Бангалоре (смотри предыдущую главу)?

Большие люди в правительстве были на стороне Музея Востока. Но и МЦР поддерживали люди немаленькие: 11 ноября 1993 года письмо президенту Ельцину в защиту МЦР направил академик Лихачев. Ельцин дал поручение, вскоре на стол Владимира Шумейко, первого заместителя председателя правительства, легла подробная записка Игоря Шабдурасулова, ведавшего тогда вопросами культуры в аппарате правительства. Вот, в частности, что сообщил тогда Шабдурасулов: «По имеющимся сведениям, вдова С.Н. Рериха Д.Р. Рерих, являющаяся единственной наследницей имущества С.Н.

Рериха, считает, что условия передачи рериховского наследия не выполнены, и намерена потребовать вернуть наследие в Индию. Эта информация подтверждается в письме Мэри Джойс (Пунача. — Ред.) Р.Б. Рыбакову... В переданной Р.Б. Рыбаковым в отдел культуры Аппарата правительства копии телеграммы (выделено. — Ред.) Д.Р. Рерих на имя президента Б.Н. Ельцина от 3 октября 1993 года вдова С.Н. Рериха обратилась с просьбой передать все наследие С.Н. Рериха создаваемому Государственному музею Рерихов».

Может быть, и не Шабдурасулов виноват, но тут много путаницы и недомолвок. Существует копия телеграммы, но она датирована не октябрём, а июлем 1993 года, и на факсе, которым она передана, есть подпись только Пунача, но не Рерих. Подпись Девики есть под более подробным, несколько отличным по содержанию письмом, которое датировано октябрём, но Рыбаков теперь утверждает, что Девика подписала это письмо при нем в июле.

Оригинала письма никто никогда, кроме Рыбакова, не видел. Он вообще впервые сообщил нашей газете, что лично привез письмо в Россию. Учитывая этот факт, невозможно не задать следующие вопросы:

Почему в таком случае письмо Шабдурасулова в правительство, ставшее основой рокового постановления № 1121 от 4.11.93, упоминает как основание для решения именно копию (на самом деле — факс) телеграммы на имя Ельцина?

Если было настоящее письмо, почему Рыбаков не помнил о нем 15 лет?

Почему факс с пустыми угрозами «забрать наследие обратно в Индию» на имя президента не был заверен нотариусом? Такую бумажку можно отправить из соседней комнаты.

Почему факс на имя президента выполз из аппарата Рыбакова? Почему его не направили непосредственно в секретариат Ельцина или, на худой конец, правительства?

Самый «детский» и самый важный вопрос: зачем столетней вдове на смертном одре вообще оспаривать наследие родителей ее супруга, завещанное в Россию? Каков ее личный интерес в этом деле?

Подпись, существующая только в копии, вызывает сомнения по исполнению (это можно отнести за счет возраста), но и по той причине, что ранее Девика уже не расписывалась, а ставила вместо этого отпечаток пальца. 100-летняя актриса индийского кино вряд ли смогла бы уловить разницу между государственным и общественным музеями в России.

Рыбаков утверждает, что в июле 1993 вдова Рериха была еще в состоянии поставить подпись и даже понять, что написано в письме. Но более 10 лет назад приехавший в Москву для снятия допросов по делу Пунача комиссар полиции Ифант сообщил, что в это время Д. Рани «была полностью недееспособна», т.е. не понимала уже ничего. Что сам комиссар и подтвердил еще раз нашей редакции в телефонном разговоре. Не могла Девика Рани в июле 1993-го лично беседовать с навестившим ее Рыбаковым и вручить ему письмо.

Да и не была она наследницей коллекции, угрозы вернуть ее в Индию тут просто блеф. И вряд ли она стала бы заниматься таким вздорным шантажом. И все это было тем более странно для тех, кто был в курсе положения в гостинице «Ашока» в Бангалоре, а такие люди при подготовке постановления правительства № 1121, несмотря на то, что это делалось втайне от МЦР, присутствовали.

Директор Института востоковедения Ростислав Рыбаков также рассказал, что у него была видеозапись этого акта подписания Девикой письма Ельцину, но она таинственным образом исчезла у него из сейфа в институте. Но копия записи якобы сохранилась в Институте космонавтики, где ее сделали при просмотре. Обнародование этой видеозаписи Рыбаков считает преждевременным.

Но как может быть преждевременным предоставление суду единственного доказательства, подтверждающего, что письмо, решившее участь наследия в миллионы евро, — не фальшивка? Если такое доказательство есть на самом деле.

Некая видеозапись, на которой Девика в неизвестное время подписывает некий текст (он на экране не читается), в интернете висит — это уж мы знаем сами. Но в редакции есть и копия самого письма, легшего в основу постановления № 1121. Так вот — документ, который Д. Рани подписывает на записи в интернете, и письмо, на которое ссылается Шабдурасулов, напечатаны на совершенно непохожих бланках.

Это просто разные документы. А под видеозаписью на сайте, размещенной как доказательство, что письмо Рыбакова подлинное, стоит подпись «Предоставлено Государственным музеем Востока». Такие дела.

Мистика в Высшем арбитражном суде

Сразу же за принятием постановления № 1121 МЦР обратился к генеральному прокурору Алексею Казаннику, но мы помним, что с ним стало после исполнения решения Думы об амнистии участникам событий октября 1993 года, и прокуратура так и не провела расследования, результаты которого в то время могли бы кого-нибудь и удивить. Зато при тогдашней демократии жалобу на постановление правительства в тех пунктах, в которых оно, по сути, ликвидировало общественный музей имени Н.К. Рериха МЦР, принял к рассмотрению Высший арбитражный суд РФ.

Судебные инстанции постепенно убедились в том, что под постановлением № 1121 нет иной базы, кроме копии телеграммы без подписи Девики, но со странной припиской Мэри Пунача на имя Рыбакова: «Кстати, я послала образцы кофе С. Федорову (в записке «Fedorov») из Глазной больницы, займитесь этим и уточните, пожалуйста, как скоро мы сможем получить заказы (для экспортной компании)». О каких совместных планах Рыбакова и Мэри Пунача речь? Если факс «изготовила» Пунача, она действительно собиралась начать безнадежную судебную битву на дистанции 6000 км, или ее просто попросили из России «помочь» в захвате русской части наследия?

В таком случае какова роль самого Рыбакова как инициатора истории с «письмом»? Пунача даже теоретически ничего не могла получить с России. Мотивов, чтобы влезать в историю с русской частью наследия, слать сюда письма безо всяких перспектив, у нее не было абсолютно никаких. А как мы убедились из индийских газет и судебных документов, особа она была очень практичная. Уж не в обмен ли на рыночные операции, вроде заказов кофе, аферистка прислала липовую телеграмму?

Добавим сюда следующий показательный эпизод. С одним из руководителей СФР Житеневым Шапошниковой рассталась к концу 1990 года на правлении фонда, которое обвинило его в растрате средств, переданных чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым на реставрацию усадьбы (их ей, правда, удалось вернуть).

(Окончание материала на стр. 18)

Наследие Рерихов:

Выдумки и факсы

(Окончание.
Начало материала на стр. 15—17)

В протоколах заседаний бюро фонда присутствуют конкретные цифры, обвинения и не оспаривались по существу. Рыбаков же комментирует этот эпизод куда мягче: Житнев, правда, занимался какой-то коммерцией и крутил деньги, но кто в то время этого не делал? Мы же имеем на руках документальный факт переписки о предполагаемом совместном бизнесе самого Рыбакова, хлопотавшего об изъятии ценнейшей коллекции у Международного Центра Рерихов, и женщины, подделавшей 6 завещаний Девики Рани. Женщины, разгребшей имущество семьи Рерихов в Индии.

К этому времени в российской печати уже появились сообщения об уголовном деле против Пунача. Хотя суд не мог принять газеты в качестве доказательства, однако, рассматривая «дело о наследии» с разных сторон и

с учетом ясно выраженной воли Святослава Рериха, коллегии Высшего арбитражного суда последовательно признавали постановление правительства недействительным в тех пунктах, где оно требовало передачи главного здания усадьбы Лопухиных, в котором располагается общественный музей Н.К. Рериха, Государственному музею Рериха. Например, решение коллегии Высшего арбитражного суда РФ от 30 сентября 1994 года.

14 ноября 1995 года в Президиум Высшего арбитражного суда был внесен по этому делу странный протест, который был странным образом удовлетворен. Под тем же номером, под которым ранее суд рассматривал иск Международного Центра Рерихов о недействительности постановления правительства № 1121, теперь было рассмотрено требование Мингосимущества о передаче главного дома усадьбы Лопухиных под государственный музей (в интересах Музея Востока). Сузив та-

ким, пожалуй, искусственным образом спор до чисто имущественного и скорее технического вопроса, суд на этот раз признал, что МЦР должен освободить усадьбу.

Для этого Президиум Высшего арбитражного суда, известного в то время неформальным подходом ко многим делам, пришлось уточнить, что ссылки МЦР на действительную волю Рериха «выходят за пределы иска» (его собственного иска, с которым и обратился МЦР). Придравшись к нарушениям при перерегистрации (по сути было понятно, что МЦР и бывший Советский фонд Рерихов суть одно и то же), президиум вынес решение о передаче усадьбы (кроме флигеля) Музею Востока. Видимо, из уважения к памяти художника и философа Николая Рериха Высший арбитражный суд все же принял во внимание, что «реставрация и реконструкция усадьбы Лопухиных будет осуществлена за государственный счет»...

Интересно, что было дальше. Выиграв в 1995 году спор «как бы об усадьбе» в Высшем арбитражном суде с известной натяжкой и, возможно, с применением «административного ресурса», Министерство культуры тут же как бы и забыло о ней. «Государственный музей Н.К. Рериха на правах филиала Музея Востока», кроме как на бумаге, никогда так и не был создан. Возможно, организаторов этого решения такое положение дел устраивало.

Оно позволяло использовать постановление № 1121 как средство давления на МЦР: если он будет продолжать требовать у государс-

на Волхонке в усадьбе Лопухиных было уже иным. Один из пунктов постановления № 1121 за эти годы все же был выполнен: усадьба была отреставрирована, как конфетка. Но вопреки «принятому к сведению Высшим арбитражным судом» сделало это не государство, а Международный Центр Рерихов на заработанные и пожертвованные деньги. И в общем, уже этот факт сам по себе является «вновь открывшимся обстоятельством», позволяющим вернуться к странному решению Высшего арбитражного суда от 14 ноября 1995 года.

Предпочитая не вникать во все эти сложные обстоятельства, Арбитражный суд Москвы отказал Федеральному агентству по управлению имуществом в иске по мотивам пропуска срока исковой давности. А что они, правда, спохватились? Это на сегодняшний день, пожалуй, разумно. Что старое ворошить? Посмотрим, однако, что будет дальше, раз уж все равно разворошили.

Рассказ комиссара

«Новая газета» связалась с заместителем главного комиссара полиции города Бангалор Абдулом Рехманом Инфантом, который в 1995 году был в Москве и опрашивал свидетелей по делу о хищении имущества Рерихов в Индии. Он подтвердил, что обвинение по-прежнему предъявляется секретарю Святослава Рериха Мэри Пунача, и дополнил:

«Сейчас дело находится в суде. Состоялось несколько заседаний, заслушаны показания свидетелей. Мэри Пунача была арестована, затем освобождена судом под залог, но не имеет права покидать город. Что касается нашего расследования, на мой взгляд, нам удалось установить, что Мэри Пунача похитила произведения Рериха, а также, используя поддельные подписи Рериха и его супруги, завладела большей частью их банковских вкладов. Она присвоила множество драгоценных камней и драгоценностей. Стоимость похищенного измеряется миллионами рупий. Нам удалось вернуть большую часть украденного, но процентов 20—25 было контрабандой вывезено из Индии. Не мне предполагать, каким будет вердикт, но мы предоставили суду очень много убедительных доказательств. Увы, судебный процесс в Индии занимает очень много времени...».

Возможно, длительность процесса связана не только с особенностями судебной системы в Индии, умноженными на степень ее коррумпированности, но также и с тем, что правительства штатов, где находятся имения Рерихов, не заинтересованы в скорейшем приговоре Мэри Пунача. Завершение дела

Звезда индийского кино, жена Святослава Рериха Девица Рани, в расцвете таланта

«**Зачем столетней вдове на смертном одре вообще оспаривать наследие родителей ее супруга, завещанное в Россию? Каков ее личный интерес в этом деле?**»

тва вернуть незаконно удерживаемые картины, то всегда можно будет пустить его в ход. По версии, которой придерживаются сегодня в МЦР, новый иск «о выселении» со стороны Федерального агентства по управлению федеральным имуществом РФ, заявленный в 2007 году, как раз и стал асимметричным ответом на требования МЦР вернуть эти картины из Музея Востока в отреставрированный особняк Лопухиных.

Интересно, что в 1993—1995 годах, когда разворачивалась основная борьба за наследие между Международным Центром Рерихов и Музеем Востока, она велась за картины, архив и другие раритеты из наследия Рерихов, обладающие не только художественной ценностью. Развалины же, которыми была в то время усадьба Лопухиных, группой, стоящей за Музеем Востока, воспринимались как «обременение», без которого и коллекцией было бы сложно завладеть. Ведь это была не пустая площадка и даже не «дом под снос»: реставрация старинной усадьбы требовала больших усилий и денег, а цены на недвижимость тогда еще не были так высоки.

В июле 2007 года, то есть спустя 14 лет после принятия самого постановления № 1121 и спустя 12 лет после решения суда в пользу Музея Востока, когда бывшее Мингосимущество снова созрело для иска, фактическое положение

может потребовать от них пересмотреть некоторые решения, принятые в ММТР в Кулу в отсутствие представителей российской стороны. Пока же процесс против Пунача не мешает собирать в роше в Бангалоре урожай драгоценного масла и отдыхать в долине Кулу, «индийской Швейцарии», где созданный российским представителем рериховский центр имеет самую комфортабельную гостиницу.

● Валерий ШИРЯЕВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО,
Дарья ПЫЛЬНОВА,
Дмитрий ШКРЫЛЕВ,
Леонид НИКИТИНСКИЙ

P.S. По сравнению с возможностями «Новой газеты» возможности российского государства очень велики. Правительство и Министерство культуры, в частности, легко могут проверить факты, лежащие в основе нашего исследования. Ведь в решении судьбы собственных решений срока давности не существует. Выяснить подлинно обстоятельство, в которых родилось постановление Правительства РФ № 1121 (а если газета права, не грех и поправить себя), — вполне посильная задача для чиновников. Узнали бы много интересного, о чем, впрочем, уже узнали сегодня наши читатели.